

На войне человек не равен человеку, и тот, который убивает справедливо, и тот, кто убивает несправедливо. Автор всемирно известных документальных книг «У войны не женское лицо», «Зачарованные смертью», «Цинковые мальчики» Светлана Алексиевич считает больше невозможным писать, как одни люди героически убивают других.

— Светлана, в России идет своя, домашняя война. Страна, десятилетиями борющаяся за некий абстрактный мир во всем мире, бессильна остановить внутреннюю бойню.

— Это наше поражение. Интеллигенция бессильна. Более того, осознаешь, что мы успешнее всего работали на милитаризацию общественного сознания. Бог войны у нас разодет в немислимые героические одежды. Разве случайно, самая поощряемая и самая популярная у нас литература — военная?

Нас так долго учили любить человека с ружьем. И мы его любили.

В нашей истории нет ни одного поколения без военного опыта, без опыта убийства, а с опытом просто жизни. Мы или воевали, или вспоминали о войне. Мы никогда не жили иначе.

— Человек, которого вы не раз называли своим учителем, — Алевт Адамович часто повторял одну фразу: «Войну может остановить один человек, и этот человек — ты».

— Это все из эпохи романтизма и пацифизма, попытка хоть как-то раскромсать милитаристское сознание. Я тоже часто повторяла подобные формулы: единственную войну, которую мы можем выиграть, — это войну против войны. О чем угодно говорили, но только не о том, что война — это прежде всего убийство, а не чья-то победа. Варварство.

Когда формировались нации, религии, государства, возможно, у истории были свои резоны. Сегодня невозможно найти оправдание политикам, которые в собственной стране начинают гражданскую войну и потом не знают, как ее закончить.

— А кто может остановить чеченскую войну?

— Только не те, кто в ней завязан, кто вынужден идти до победного конца. А победа какова? Если послушать генерала Барсукова, то только в уничтожении противника. Но противник — часть собственного народа. Значит, в его убийстве выход?

Я убеждена, что жизнь дороже любой идеи, но даже идеи нет на чеченской войне, а есть только личные амбиции. Трещит бюджет, трещит государство, а все равно танки идут. А это унижение армии, которая валяется на голой земле хуже, чем в 41-м...

— Светлана, ваша книга «Цинковые мальчики», которая, кстати, представлена в этом году на соискание Государственной премии России, стала документальным свидетельством афганского синдрома, с которым уже сколько лет не могут справиться ни душа, ни страна. Чеченский синдром будет таким же тягостным?

— Чеченский еще страшнее. Та война была на другой территории, и она не задела такого количества людей, мы ничего не видели по телевизору. Эта война до краев гласности — в каждом нашем доме. Чеченским синдромом уже болеет все общество: убийство народа, города, села не вызвало никакого протеста. Можно собирать подписи за немедленное пре-

кращение войны и оставаться бытовым милитаристом. Вдруг один мой знакомый говорит, что вечером он боится на улицу выходить, надо всех чеченцев выселить из Минска.

Светлана АЛЕКСИЕВИЧ:

Нас так долго учили любить человека с ружьем

— А вы находите этому какое-то объяснение?

— У нас нет опыта осмысления собственной гражданской войны. Мы проскочили ее. Несмотря на то, что она шла четыре года, в нашем сознании она кажется совершенно маленькой, знание о ней несоизмеримо с жертвами. Революция была бескровной, а гражданская война унесла миллионы жизней, генофонд нации. Человека могли расстрелять даже не за убеждения, а за то, что у него руки барина или интеллигента. За небольшим исключением, гражданская война в литературе романтизирована, как Любовь Яровая, донесшая на своего мужа.

Образ войны связан в нашем сознании только с образом Великой Отечественной. С победой без цены. И без полной правды.

— Неужели это относится и к белорусской литературе, которая 50 лет преимущественно только войной занималась?

— Да. Мы вот совершенно не знаем, какая страшная была партизанская война. На ней правил маленький князек, если кто-то не угодил или женщина не захотела с ним быть, он мог расстрелять без суда и следствия, что в армии было невозможно.

Партизанщина — это страшная вещь, ты не защищен ни уставом, ни законом, ты во власти одного человека, хорошо, если справедливого. Ореол вокруг партизанщины очень опасен, но мы на этом выросли. Мы существовали в двух правдах. А ведь люди в деревнях часто ставили на одну доску и немцев, и партизан, так и говорили: немцы страшны днем, партизаны ночью. Партизанский отряд — это в принципе хорошая банда.

— В республике очень болезненно отреагировали на выступление Василя Быкова, который сказал третью правду о войне: в Белоруссии была не

только Отечественная, но и гражданская война, инициированная большевиками.

— А как иначе объяснить огромное количество полицаяев? Даже сегодня трудно говорить правду, что Хатынь сожгли не немцы, а полицайи из полка СС, сформированного на территории Украины, свои, доморожденные каратели. Впрочем, фашизм национальности не имеет. От того, что мы недоговари-

вать, что у матерей в горе есть свое право на правду. Родина дважды предала их сыновей — когда послала в Афганистан погибать и когда забыла после. Так Родина (не умеет иначе) поступит и с чеченскими мальчишками?

Солдатская мать, протестующая против войны в Чечне, более нормальный человек, чем благославляющие на эту войну. Если бы у Грачева сын служил в

Чечне, он не смог бы сказать, что там мальчики погибают с улыбками на устах. А о сыне рязанской крестьянки — можно.

Раз эту войну не могут остановить политики, ее должен остановить народ: матери, шахтеры, студенты...

— Вам постоянно ставят в вину, что вы не воевали, значит, не можете писать правду о войне.

— Я думаю, что человек, который никогда не убивал, на это имеет большее моральное право. В Афганистане мне не раз говорили, что даже актрисы из агитбригады с восхищением стреляли, а ты вот не хочешь попробовать. Мне казалось, что если я возьму это в руки, я перейду грань, которая лишит меня многих прав.

В Америке Клинтону ставят в вину, что он не воевал во Вьетнаме. Насколько мы еще люди войн и революций!

— А вам знаком тип политика-провокатора?

— К сожалению, мы имеем вчерашних политиков или случайно выплывших людей, которые занимаются тем, что провозируют самое худшее в человеке, используя недавние предрассудки, и прикрываются вечной кровавой идеей справедливости. Как заметил Волошин, у нас идея справедливости — это идея умножения трупов.

Почему Миттерана провожал весь мир? Потому что он вырвался из плена прошлого и принял ценность человеческой жизни, в том числе и своей. Он много думал о смерти и никогда не смог бы спеть в хоре: прежде думай о родине, а потом о себе.

Поколение политиков, для которых главная идея и сила, — уходящее. В Европе им уже нет места, у нас еще они держатся из последних сил. Кажется, это есть у Гёте, что даже в эпоху великих потрясений человеку важно, что у него варится в собственной кастрюле. Нужны вожди-интеллектуалы...

— Светлана, в апреле в журнале «Дружба народов» должна была выйти ваша «Чернобыльская молитва». Когда мы прошлым летом опубликовали в «Известиях» главу из нее «Еще одна Россия», монологу бегенцев из горячих точек б. СССР, заселивших мертвую зону, в редакции раздали звонки от десятков потрясенных коллег из разных стран мира. Они медленно выжгли на материк отчаяния, открытый вами.

— Я сама недооценила Чернобыль, мне казалось, что я защищена неким знанием. Увы, и я получила дозу и несколько месяцев проболела, и сейчас мне помогает с лечением одна женская международная организация. Поэтому, к сожалению, не успеваю со своей книгой к чернобыльскому скорбному столу памяти.

— В апреле исполняется десять лет, как произошёл взрыв на Чернобыльской АЭС. Это время нас чему-то научило?

— Боюсь, что мы опять в речах пойдем по кругу страшилок: дети-уроды, животные мутанты и т.д. Мы — пленники старых идей, чернобыльскую опасность мы не поняли и не прорвались к тому, что будет волновать людей следующего тысячелетия. А был знак...

В общении с природой у человека должна быть иная философия сосуществования со всем живым, а не подавления силой. На мой взгляд, беспомощнее всего Чернобыль осмысливать на уровне антимунизма: преступна система, для которой человеческая жизнь ничего не стоила. Но ведь после Чернобыля мы живем в другом мире. Человек бьется яблока, ягоды, воды. Случилось как бы репетиция, технологическая версия светопрествления.

Чернобыль — это главное, что произошло с человеком в двадцатом веке. В мировоззренческом смысле он дальше Освенцима, ГУЛАГа, Холокоста. Человечество лишилось бесценности. Мы можем быть убиты все. Все живое.

— Уже двадцать лет вы работаете на заповедной территории, именуемой трагедией жизни и смерти. Неужели вам не хочется вырваться из этого болезного, шокового круга?

— Мой западный издатель недавно предлагал огромные деньги за книгу о Чечне. Я отказалась. Это оказалось выше моих сил: снова увидеть убитого человека другим человеком, а не стихией или роком. Я уже физически этого не выдерживаю. Поэтому следующая моя книга будет о другом — как человек все же хочет быть счастливым.

Последняя территория, которая еще осталась у человека, это его личная жизнь. Там он и спасается. И я решила записать историю любви, выслушать сотни мужчин и женщин, которые знают, как земля может плыть под ногами не от горя, а от счастья.

Вот только закончу «Чернобыльскую молитву»...

Но как бы опять книга не получилась грустной. Я когда-то запомнила слова Манделштама, которые он сказал своей жене: «А почему ты решила, что мы должны быть счастливы».

Почему?

Ядвига ЮФЕРОВА,
«Известия».

МИНСК.